

В разные времена года у Рима разный наряд, и один не хуже другого. Но вечный город живет не сменой сезонов. Он выносит в своем чреве столько гениев, что не может перестать их рождать. Его очарование не отпускает Бернардо Бертолуччи: где бы ни снимал, он всегда возвращается в Рим, чтобы набраться сил и почерпнуть вдохновения для новой работы. Великий мастер живет в квартале Трастевере, где царят сады и тишина. Там, в своей квартире, он встретился с посланником журнала "Видео-Асс" и дал ему эксклюзивное интервью. Оказалось, что салон, где Бернардо Бертолуччи принимает гостей, обставлен мебелью из комнаты Катерины в фильме "Луна", и разговор, естественно, шел о кино и только о кино.

— Говорят, вы расхотели сделать третью часть "XX века". Почему?

— С этой идеей я жил очень долго, носил ее с собой по всему свету. Я много жил вне Италии и думал о ней как бы со стороны. Сейчас я чаще бываю на родине, и мои взгляды стали менее идеалистичны. Если я их выскажу, будет нарушен тот самый диалог с публикой, которым я так дорожу.

— Могли бы наши читатели узнать подробнее о фильме великого мастера, который никто не увидит?

— Третий акт должен был начаться в 45-м году и идти до конца столетия. Но сюжет не мог бы развиваться без политической напряженности, а это расходится с основной моей идеологией. Рискованно начинать работу, зная заранее, что результат не устроит. И потом это был бы ностальгический фильм, и все увидели бы мою тоску по прошедшим дням.

— Каким же проектом вы заняты сейчас?

— Я готовлю заказ для RAI, но об этом еще рано говорить. Собираюсь расекать о жизни предшественника Стравинского

неаполитанского композитора Жезуальдо. Это имя символизирует для меня любовь к музыке и ... к самой любви. Семья толкнула его на убийство жены, самой красивой женщины Неаполя. За что убивают женщины? За неверность. Честь, страсть, измена — из этого теста получаются хорошие пирожки. Один из авторов сценария — Марко Пиллоу. Он начал вместе со мной продумывать сюжет, еще когда мы вместе писали текст для "Последнего императора". Съемки должны начаться осенью. А о сроках выхода на экраны не спрашивайте — я суверен.

— Если каждый фильм означает что-либо в исканиях режиссера, то как вы оцениваете "Маленького Будду"?

— Стая "Последнего императора" и "Пол покровом небес", я испытал восторг от понимания того, насколько велики и непохожи друг на друга различные культуры. Мне представилась возможность приблизиться к буддизму, научиться медитации. Это было действительно "глубокое погружение".

Что касается "Маленького Будды", то его история подобна той, которая произошла в действительности с одним испанским мальчиком. Я провел исследование, и идея сценария родилась. Это кино для детей, потому что взрослые Запада перед буддизмом пасуют, а маленькие принимают его как совершенно естественное и правильное. Кстати, я очень рад, что в прошлом году список лент о буддизме пополнили Скорсезе и Анно.

— Тема ребенка занимает особое место у вас?

— Когда я думаю о детях, я живу в другом, лучшем мире. Я никогда не вступал с ними в конфронтацию, кроме тех редких случаев, когда пытался ими управлять. Нельзя командовать детьми! И удивительно, сколькому мы могли бы научиться у них, если бы отказались от взрослых амбиций.

Мы организовали несколько премьерных показов "Будды" специально для ребят. Удивительно, как их тронула суть реинкарнации! Они ежедневно егалкиваются со смертью, смотря телевизор, бояться ее, и идея реинкарнации приносит им облегчение.

Я категорически против цензуры в любом ее виде. В Италии за "Последнее танго в Париже" я был приговорен к двум месяцам условного заключения и потерял избирательные права — может ли быть большее оскорбление для гражданина? Но должна существовать защита ребенка от насилия, вульгарности и тупости — всего того, что сейчас процветает на телевидении.

— Слышал, вы недавно встретили человека, который, будучи ребенком, играл в "XX веке" мальчика в ужасной по жестокости сцене, где его убивают...

— Да, и совершенно случайно. В Лондоне с моими друзьями мы заказали столик. В конце трапезы молодой шеф-повар подошел ко мне и спросил, узнаю ли я его. Когда понял, кто он, то очень об-

радовался. Ведь после съемок я долго чувствовал себя виноватым за то, что пришлось пережить ему на площадке.

— Вы действительно ставите каждый фильм, будто последний?

— Да, каждый раз выкладываюсь. Как умираю. В сущности, это своего рода реинкарнация. И потом, я боюсь повториться, сделать что-либо "а-ля Бертолуччи".

— Как вы сами считаете, в какой ленте наиболее полно выражены вы и ваше творчество?

— Все они — это мои мысли, которые всегда более или менее одинаковы, но их по-разному преломляет разная реальность. Один близкий друг однажды сказал мне: "Надо всегда оставлять дверь на съемочную площадку открытой, кто-нибудь да зайдет". Я все больше стараюсь спровоцировать слияние того, что мной придумано, и правды жизни, которая, если повезет, печально заглянет. Когда долго работаешь с камерой при ярком дневном свете и неожиданная тучка закрывает солнце — это как чудо!

— Продолжаете ли вы писать стихи, ведь ваш отец сочинял их всю жизнь?

— Я стараюсь рифмованные строки. А влияние моего отца для меня было определяющим. Не в смысле банального воспитания. Меня потрясла его способность обнаруживать поэзию в повседневности. Он передавал мне свои впечатления и суждения, но всегда оставлял мой выбор свободным. О моей последней картине "Ускальзавшая красота" он сказал: "Это твой первый настоящий фильм. Он начинает для тебя новую фазу". Отец почувствовал, как никто другой, что сегодня движет мной: я хочу уловить перемену, проехавшую в кинематографе. Кино теряет свою сакральную ауру, характер исключительности. И мне бы хотелось поучаствовать в процессе, предощущение которого уже витает в воздухе.

Фото — Бертран ЛЯФОРЕ
Текст — Агентство "Арсенк" специально для журнала "Видео-Асс".
Перевод с французского — Дмитрий БОРЕВ